

RU

Формирование и развитие системы инструментов и институтов «мягкой силы» Турции на рубеже XX-XXI веков (на примере взаимоотношений с тюркоязычными регионами)

Бадретдинова С. А., Бадретдинов И. Р.

Аннотация. Цель исследования - исторический обзор и анализ эволюции процесса институализации политики «мягкой силы» Турции в тюркоязычных регионах постсоветского пространства. Научная новизна исследования заключается в постановке самой проблемы как предмета специального изучения. Особое внимание уделяется формированию и развитию концептуального содержания и инструментария, факторам и периодизации турецкой политики «мягкой силы». Полученные результаты показали, что, наиболее значимым фактором институализации «мягкой силы» Турции является образование после распада СССР новых государств. Подчеркивается, что с приходом к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. начинается новый этап институализации «мягкой силы», отличающийся системностью и концептуальностью. На основе анализа фактологического материала и теоретических исследований авторами выделяются направления деятельности ведущих институтов «мягкой силы» Турции в тюркских странах, анализируется их эффективность.

EN

Formation and Development of “Soft Power” Institutions in Turkey at the Turn of the XX-XXI Centuries (By the Example of Turkic-Speaking Countries)

Badretdinova S. A., Badretdinov I. R.

Abstract. The paper provides a historical analysis of the process of institutionalization of Turkey’s “soft power” policy in Turkic-speaking post-Soviet countries. Scientific originality of the study involves the problem formulation itself. Researchers’ attention is focused on the following issues: formation of political conception, political mechanisms, factors influencing Turkey’s “soft power” policy, its periodization. The findings indicate that the appearance of new post-Soviet states contributed largely to the process of institutionalization of Turkey’s “soft power” policy. The authors emphasize the fact that the year 2002, when Justice and Development Party came to power, symbolizes a new conceptual approach to “soft power” institutionalization. The research findings are as follows: relying on the analysis of factual material and on existing theoretical studies, the authors identify the basic activity trends of Turkey’s “soft power” institutions in Turkic-speaking countries, analyze their efficiency.

Введение

Актуальность темы обусловлена непрекращающимся интересом исследователей к феномену «мягкой силы» в современной геополитике. Выбор в качестве объекта исследования такого государства, как Турецкая Республика, не случаен. В постбиполярный период происходит трансформация турецкой внешней политики, в которой существенно возрастает роль “Soft power”. Турция становится региональным лидером, а также важным экономическим партнером и в то же время конкурентом для России в отдельных регионах постсоветского пространства. При этом надо учитывать рост влияния Анкары в тюркоязычных субъектах РФ. В связи с этим необходимо иметь представление о функционировании системы инструментов и институтов «мягкой силы» в Турции, что обуславливает изучение ее генезиса и современного развития.

Согласно поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить исторические основы и факторы формирования политики «мягкой силы» в Турции; 2) определить важнейшие инструменты и институты турецкой “Soft power”; 3) выделить основные периоды ее институализации; 4) проанализировать

деятельность институтов «мягкой силы» в Турции. Для их реализации в статье применяются следующие методы: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, структурный и системный. Теоретическую базу статьи составили труды как отечественных (В. А. Аваткова, А. И. Зубковой, А. И. Алиевой, Е. А. Сафонкиной, Д. Р. Урманова и др.), так и зарубежных (Дж. Ная, А. Баласера, А. Кая, М. Муфти, М. Э. Чамана, Х. Фидана и др.) исследователей.

Практическая значимость статьи состоит в том, что настоящая работа позволяет понять эволюцию и современные тенденции развития политики “Soft power” в регионах. Результаты исследования дают возможность расширить имеющиеся в отечественной науке представления об инструментари, основных направлениях деятельности институтов турецкой «мягкой силы» и в тюркоязычных странах и субъектах РФ, что позволяет их использовать при реализации российских интересов в данных регионах. Материалы статьи можно использовать в процессе преподавания всеобщей и отечественной истории новейшего периода, теории международных отношений, политологии.

Основная часть

Для современной науки представляется вполне очевидным, что современные государства реализуют свои интересы в политике как с помощью силовых методов, так и с использованием методов убеждения. Причем в последние десятилетия «несиловые» методы находят все более широкое применение. В отношении таких действий государств используется термин «мягкая сила», который ввел в научный дискурс политолог Джозеф Най [28].

“Soft power” оказалась весьма востребованной в большой международной политике. Ученые и политики различных государств стали предлагать собственную ее интерпретацию, а также инструментарию применения на практике. Более того, в ходе совместного исследовательского проекта британского Института государственного управления и журнала “Monocle Magazine” был разработан композитный индекс «мягкой силы», на основе которого с 2010 г. стал публиковаться рейтинг 20 государств, реализующих данную концепцию во внешней политике. В 2012 г. впервые в данный рейтинг попала Турецкая Республика [26].

Какие же факторы благоприятствовали развитию потенциала Турции в сфере реализации стратегии «мягкой силы»? Рассмотрим их на примере отношений данного государства с тюркоязычными странами и регионами.

Потенциал «мягкой силы» Турции, несомненно, связан с ее географическим положением, историей и культурой. Долгое время данное государство являлось центром мусульманского мира. Как и у практически любой империи прошлого (Британской, Российской и др.), в Османской империи имелся значительный опыт длительного сосуществования различных этнических групп. Поэтому помимо применения «жесткой силы», у Турции имелся уже опыт применения «мягкой силы» (прежде всего через культурное взаимодействие) на народы и регионы, включенные в сферу ее геополитических интересов.

В конце XIX века в Османской империи стали популярны идеи пантюркизма, призывающие к политической консолидации тюрков на основе этнокультурной общности, к образованию единого государства Великой Туран. Данная идеология была государственной в период правления младотурок [3, с. 208]. Распад Османской империи и создание Турецкой Республики способствовали формированию кемализма. Кемаль Ататюрк осуществил вестернизированные преобразования страны, он понимал нацию только как культурную общность. Несмотря на негативное отношение Ататюрка к пантюркизму, идеи последнего еще были живы в турецком обществе. Однако отметим, даже в период кризиса Советского Союза в конце 1980-х – 1990 г. Турция не поддерживала националистические группы в СССР.

С распадом СССР у образовавшихся на его основе государств появилась возможность проведения многовекторной политики. Для тюркских Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана Турция стала одним из таковых естественных векторов, тем более что установка на сотрудничество имела и со стороны Турции. Именно внешний фактор, сложившийся после «холодной войны», считают многие исследователи основным в деле реализации турецким государством своей «мягкой силы». Так, американский ученый М. Муфти отмечает, что для Анкары в последнее десятилетие XX в. стало характерным прежде всего «мягкое» внедрение в постсоветское пространство, причем без отказа от вестернизации. По его мнению, данная модель поведения дала возможность Турции притязать на роль регионального гегемона и увеличить свою сферу влияния еще до появления во властных структурах Партии справедливости и развития [27, р. 3].

Данной позиции придерживаются и турецкие исследователи: Мехмет Эфе Чаман [19, р. 27], Хакан Фидан [23, р. 110], Адам Баласер. Последний, подчеркивая значимость постсоветского пространства для Турции, выделяет, в частности, этнокультурный фактор. Он ссылается на опросы общественного мнения, показавшие, что «турки заявляют о теплых чувствах только к своим сородичам с постсоветского пространства и мусульманам с Балкан» [18]. Вакуум власти в центрально-азиатском регионе и обретение независимости тюркскими республиками способствовали формированию нового взгляда турецкого руководства на будущее данного региона. По мнению исследователя, Анкара амбициозно вступила в игру на «постсоветской шахматной доске», где уже были игроки первой лиги (Россия, Китай, ЕС и США).

Отметим, что еще одним потенциальным «игроком» в данном регионе был Иран. Однако его растущее религиозное влияние вызывало опасение у Запада, не желавшего формирования нового очага нестабильности в регионе. «Турецкая модель» с ее светским государственным устройством (с мусульманским большинством населения) и рыночной системой более устраивала Запад в качестве модели развития для тюркских стран, была удобна с точки зрения доступности вмешательства в их политику.

Как бы то ни было, в эпоху, когда интеграционные объединения становились важнейшим элементом отношений между многими странами мира, Турция получила шанс сплотить вокруг себя государства, только что ставшие независимыми, где большинство граждан являлись тюрками. Идеи пантюркизма вновь стали популярны среди турецкого населения [8, с. 140]. Разумеется, на уровне государства эти идеи не транслировались, особенно в части создания единого тюркского государства. Внешнеполитические цели были направлены на расширение политического и экономического влияния в данном регионе инструментами «мягкой силы».

Турецкая Республика первая установила дипломатические и экономические отношения с новыми центрально-азиатскими государствами, осознавая стратегическую важность данного региона, его энергетические ресурсы и подчеркивая «общие исторические, языковые и культурные связи» [30]. Уже в конце 1991 г. с официальным визитом приехали в Анкару президенты Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана. В 1992 г. данные государства посетили со стороны Турции министр иностранных дел Х. Четин и премьер-министр С. Демирель, в 1993 г. – президент Т. Озал. Как заметил премьер-министр: «Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан заинтересованы в нашей стране... Турция расширится, несмотря на то, что границы останутся прежними. Другими словами, Турция расширит свое влияние от Адриатики до Китайской стены. Турция – зеница ока этого региона» [24, р. 107]. Президент же Турции Т. Озал в 1992 г. вообще назвал грядущее столетие «веком турок» [Ibidem]. С этого года организовываются саммиты глав тюркоязычных стран для создания новых возможностей сотрудничества.

О новых внешнеполитических целях и инструментах Турции мы можем судить по программе правительства 1993 года: «Появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е годы государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе. Связанная с тюркскими республиками близкими отношениями, она имеет перед ними особые обязанности и обязательства в процессе их открытия миру и интеграции в мировое общество» [15, с. 157].

Важным направлением турецкой «мягкой силы» (и заметим, обратно – воздействия РФ на Турцию) стало её взаимодействие с субъектами России. Отправной точкой здесь также можно считать крушение СССР и формирование в 1990-е гг. основ федеративных отношений в РФ. Тогда же при поддержке органов государственной власти в Турции заметно оживилась деятельность по налаживанию контактов и реализации совместных проектов с регионами России со стороны различных общественных организаций, землячеств, фондов. Очевидно, что подобная деятельность Турции в РФ была бы невозможна без согласия российских органов власти. Разумеется, учитывая этническую, языковую, культурную и религиозную близость, особенно активно она проявлялась в субъектах РФ, где проживала значительная часть тюркоязычного населения – Татарстане, Башкортостане, Хакасии, Якутии, Алтае, Тыве.

В 1992 г. для разработки, финансирования и реализации проектов, нацеленных на упрочнение связей с тюркскими государствами, а также координацию деятельности различных тюркских общественных организаций, было создано Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТІКА), ставшее аналогом «Россотрудничества». По сути, его можно отнести к важнейшему институту «мягкой силы» Турции.

Как показал анализ межгосударственных соглашений, главными направлениями экономического сотрудничества Турции с центрально-азиатскими государствами на начальном этапе были легкая промышленность и туризм. Также следует отметить, что все эти государства вошли в Организацию экономического сотрудничества, образованную еще в 1985 г. Турцией, Ираном и Пакистаном. Большую роль в активизации деловых взаимоотношений играли бизнес-советы, которые уже в 1991-1992 гг. действовали в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Узбекистане [11, с. 155]. Они занимались поддержкой турецких компаний, в частности решали конфликты с местными властями, собирали материалы, на основе которых выделяли приоритетные направления бизнеса в странах-объектах «мягкой силы», организовывали семинары по возможностям инвестирования. Благодаря всем этим действиям, Анкара значительно расширила свои экономические связи с тюркоязычными странами.

Еще одним важнейшим институтом «мягкой силы» Турции является «TÜRKSOY» (ТЮРКСОЙ). В 1992 г. во время встреч министров культуры Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркменистана родилась идея создания Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi). Уже в следующем году был подписан договор об ее образовании. Целью ТЮРКСОЙ является «укрепление братства и дружбы между тюркскими народами, распространение общей тюркской культуры и сохранение ее для последующих поколений» [31]. Она реализуется, прежде всего, через проведение таких мероприятий, как концерты и выставки художников, фотографов, поэтов, театральных, музыкальных и танцевальных коллективов и других представителей искусства тюркского мира.

В качестве наблюдателей в ТЮРКСОЙ входят пять субъектов РФ (Алтай, Башкортостан, Саха, Татарстан, Хакасия, Тыва) а также автономная область Молдавии – Гагаузия и Турецкая Республика Северного Кипра. Штаб-квартира организации располагается в Анкаре, ее высшим руководящим органом является Постоянный совет министров культуры стран-членов ТЮРКСОЙ, который избирает генерального секретаря. Первым генеральным секретарем стал Полад Бюль-Бюль оглы – бывший министр культуры Азербайджана, с 2008 г. – бывший министр культуры Казахстана Дюсен Касеинов [Ibidem].

С 1996 г. началось официальное сотрудничество ТЮРКСОЙ с ЮНЕСКО, включая совместные консультации и взаимное представительство. А в 2009 г. данный институт получили новое наименование – «Международная организация тюркской культуры».

Как известно, культура, являясь важнейшим инструментом «мягкой силы», может способствовать преодолению негативных стереотипов о государстве, повысить интерес к нему. Продвижением родной культуры за рубежом занимаются такие институты, как Министерство культуры и туризма, Министерство иностранных дел. В юрисдикции последнего находится культурная дипломатия [21]. Также МИД в целях пропаганды родной культуры, помощи в адаптации турецких граждан, живущих за рубежом, открывает в различных странах турецкие культурные центры. На территории Центральной Азии центры организованы в Алма-Ате и Ашхабаде.

Рассмотрим еще такой инструмент «мягкой силы», как образование. В этой сфере механизмы новой стратегии внешней политики разрабатывало преимущественно Министерство образования Турции. Так, например, с целью упрощения процесса поступления в турецкие университеты абитуриентам из Центральной Азии им был разработан «Большой студенческий проект», который стартовал в 1992 году. По две тысячи студентов из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана были приняты в турецкие университеты с правом получения государственной стипендии. Среди задач проекта были «формирование профессиональных кадров в тюркоязычных странах... распространение турецкого языка и культуры, развитие отношений между всеми родственными странами и создание общего тюркского мира» [17]. Само присутствие тюркской молодежи в разных частях Турции способствовало укреплению отношений с Центральной Азией.

Кроме того, Министерство образования Турции подписало с некоторыми странами конвенцию, по которой дипломам ведущих вузов Центральной Азии не нужна была дополнительная легализация в Турции. По всей стране организовывались языковые центры, где турецкие студенты могли изучать не только языки Центральной Азии, но и русский язык.

Еще одной инициативой Турции по созданию «благоприятной» турецкой среды в регионе стало открытие совместных образовательных учреждений в тюркоязычных странах и регионах России. Наиболее значимыми акторами «мягкой» силы Анкары являлись Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави (МКТУ), созданный в 1991 г., и Кыргызско-турецкий университет Манас, функционирующий с 1993 года.

С 2000 г. в рамках проекта «Тюркология», организуемого ТКА, в наиболее престижных университетах 21 страны (в том числе в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, России) были сформированы кафедры по изучению Турции с целью количественного и качественного роста исследований Турции в мировом научном сообществе и развития интереса к данной стране у населения других государств [11, с. 152].

В качестве еще одного направления использования «мягкой силы» в сфере образования в данный период некоторые исследователи рассматривают деятельность турецких школ и лицеев, созданных организацией «Фетхуллахчилар» (названа по имени ее лидера – Фетуллаха Гюлена), которая является ответвлением религиозной секты «Нурджулар» (запрещена Верховным судом России в 2008 г.). По мнению В. Иванова, стратегия секты состояла в воспитании «нового поколения элиты тюркских республик, включая элиту “национальных” республик Российской Федерации, которая будет комплиментарно относиться к Турции и западным странам и, разумеется, к своим “благодетелям” из подконтрольных органам политического сыска США секты Гюлена» [5, с. 73]. По нашему мнению, если до официального запрета этой организации в Турции данная точка зрения имела определенную основу, то с ее запретом (в связи с участием в попытке государственного переворота 2016-го года) современный эвристический потенциал данной концепции весьма снизился, оставшись только в части комплиментарности к Западу и к «благодетелям» из секты.

При этом нельзя не отметить, что в свое время массовое продвижение «качественного турецкого образования» (заметим, что качество действительно было высоким), привилегии по принятию без экзаменов детей местных чиновников [Там же] сыграли немалую роль в популяризации данных учебных заведений в Центральной Азии. Также заметим, что идеология гюленистов находила одобрение у тогдашнего президента Турции Т. Озала.

Но постепенно активность гюленистов стала вызывать беспокойство у руководства республик постсоветского пространства. Раньше всего (с 1993 г.) массовые проверки их учебных заведений начались в Узбекистане. В 1999 г., в условиях нарастания угрозы религиозного экстремизма, правительство Узбекистана принимает решение о закрытии всех школ Ф. Гюлена и переводе их в общеобразовательные. В Туркменистане и Азербайджане гюленистские организации были запрещены в 2014 году.

Деятельность гюленистов во многом сказалась на определенном сдерживании «мягкой силы» Турции к началу 2000-х годов в центральноазиатском регионе. Также следует учитывать и тот момент, что у новых государств уже не было желания иметь «большого брата», подобного СССР. К тому же доверие к Турции было подорвано из-за сбоя экономической помощи. В Узбекистане, например, закрывались не только турецкие школы, но и бизнес-организации, на государственных и частных телеканалах был запрещен показ турецких ситкомов [32].

Турция вынуждена была признать, что страны Центральной Азии, несмотря на культурную и религиозную общность, были этнически разнородными и имели собственные приоритеты в вопросах государственного строительства. Анкара же стала проводить более взвешенную политику «мягкой силы». Заметим также, что с середины 1990-х годов страны ЕС перешли на прямой уровень диалога с постсоветскими государствами, подписав двусторонние договоры о сотрудничестве, без посредничества Турции.

Постепенно со стороны тюркоязычных стран стал угасать интерес к участию в саммитах. Так, на саммит 1998-го года вместо президента Туркмении прибыл председатель парламента. В 2000 г., помимо главы Туркмении, проигнорировал встречу и президент Узбекистана. Со следующего же года начался долгий (до 2006 г.) перерыв в организации всех межтюркских встреч: не собирались не только саммиты, но и курултаи. Отметим, что последние представляли собой международные съезды представителей общественных организаций тюркских государств и общин и организовывались параллельно саммитам с 1993 г. в разных городах Турции [10, с. 118].

Причиной кризиса в развитии межтюркского сотрудничества стали в первую очередь экономический кризис 2001 г. и внутривнутрипартийные конфликты в правящей Партии националистического движения, в результате реформы в сфере прав человека и прав меньшинств. Было уменьшено влияние военных и, наоборот, увеличено воздействие на политику страны организаций гражданского общества. На втором сроке (2007-2011 гг.) новое правительство все больше внимания уделяло развитию культурному диалогу с соседними государствами [11, с. 147]. Демократические преобразования и подъем турецкой экономики (на фоне финансового кризиса в еврозоне) способствовали развитию положительного имиджа страны в рассматриваемом регионе и явились фундаментом для многомерной активной внешней политики.

С приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) началась трансформация внутренней и внешней политики Анкары, положительно повлиявшая на ее «мягкую силу». Это в первую очередь реформы в сфере прав человека и прав меньшинств. Было уменьшено влияние военных и, наоборот, увеличено воздействие на политику страны организаций гражданского общества. На втором сроке (2007-2011 гг.) новое правительство все больше внимания уделяло развитию культурному диалогу с соседними государствами [11, с. 147]. Демократические преобразования и подъем турецкой экономики (на фоне финансового кризиса в еврозоне) способствовали развитию положительного имиджа страны в рассматриваемом регионе и явились фундаментом для многомерной активной внешней политики.

Отличительной чертой курса внешней политики, сформированного ПСР, являлось то, что он был концептуально проработан. Идеологом новой внешнеполитической стратегии стал профессор, политический деятель (2009-2014 гг. – министр иностранных дел Турции, 2014-2016 гг. – премьер-министр Турции) Ахмет Давутоглу. Ещё в 2001 г. в труде «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» он сформулировал стратегию трансформации своей страны в мировую державу через уменьшение зависимости от Запада, использование исторического наследия, стратегического географического положения, экономической и культурной привлекательности. Ключевыми инструментами достижения этой цели должна была стать политика «ноль проблем с соседями», подразумевающая укрепление отношений с соседними государствами, а также «проактивная, упреждающая, мирная дипломатия» [12].

Отметим, что само понятие «мягкая сила» в «Стратегической глубине» не использовалось. Оно вообще весьма редко звучало в выступлениях турецких политиков начала 2000-х годов. Только в 2007-2008 гг. А. Давутоглу употребляет термин «невидимая сила», соотносимый им с дипломатическим успехом Турции в посреднической деятельности в регионе [22, р. 90]. Во втором сроке правления ПСР понятие «мягкая сила» стало чаще использоваться в турецкой политической среде. Тот факт, что оно было введено в оборот, практически, «постфактум», А. И. Алиева объясняла тем, что к тому времени «турецкое государство достигло экономического процветания, относительной стабильности в регионе за счет политики “обнуления” и усиления взаимозависимости с региональными и нерегionalными акторами» [2, с. 70]. Хотя, как мы рассмотрели, институты данной политики стали формироваться гораздо раньше. Данное объяснение, по сути, использовали и некоторые турецкие исследователи [29, р. 91].

Идеи «Стратегической глубины» дали основание некоторым исследователям вновь использовать термин «неоосманизм» применительно к курсу внешней политики Турции того периода. По мнению А. И. Зубковой, «осознание взаимозависимости сфер внутренней и внешней политики государства, вкупе со стремлением к самопрезентации в качестве привлекательной модели политического развития на международной арене, предопределило идеологический переход от кемализма, доминировавшего в турецком политическом поле на протяжении существования Республики, к неоосманизму» [4, с. 28]. Е. И. Урманов подчеркивал, что «данный тренд ведет к отказу от эксплуатации образа вестернизированной Турции, к образу самобытного, построенного на самостоятельном культурном, историческом и политическом опыте центру притяжения» [16, с. 17]. В. А. Аватков считал неоосманизм попыткой сформировать «надтурецкую идентичность, которая вывела бы турок на уровень новых надрегиональных лидеров» «за счет применения методов гуманитарного и экономического воздействия» [1, с. 78]. При этом, отметим, официальные лица Турции, и в частности сам Давутоглу, официально осуждали сравнение своих идей с неоосманизмом.

Один из принципов неоосманизма – принцип крови – ориентировал Турцию в первую очередь на тюркские народы. В связи с этим важнейшим направлением внешнеполитической стратегии оставалась Центральная Азия.

На данном историческом этапе сформировались новые институты «мягкой силы» Турции. Например, для продвижения за рубежом турецкой культуры, образа жизни и языка в 2007 г. образован Институт (Фонд) Юнуса Эмре. На его базе при государственных университетах стран постсоветского пространства стали создаваться Центры турецкой культуры имени Ю. Эмре, занимающиеся реализацией целевых научных проектов, преподаванием курсов тюркологии и организацией фестивалей и дней турецкой культуры. «Невидимой силой» называл данные организации президент Турции А. Гюль, подчеркивая при этом, что «сохранение нашего культурного наследия – это величайшая сила нашего государства» [Цит. по: 25, р. 9].

Растет и число организаций, в которых Турция стремится захватить лидерство и крепче сблизиться с государственными и общественными структурами тюркских республик. Так, в 2008 г. учреждена Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА), членами которой являются Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция. В ее состав входят 4 постоянные комиссии: 1) по правовым вопросам и международным отношениям; 2) по социальным, культурным и гуманитарным вопросам; 3) по экономическому сотрудничеству; 4) по вопросам окружающей среды и природным ресурсам.

По инициативе четырех вышеперечисленных государств в следующем году был образован Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет) – международная межправительственная организация для развития добрососедских связей между тюркоязычными странами [9]. Только в 2019 г. официально подал заявку на членство Узбекистан. Что касается Туркменистана, то он пока не является официальным членом данной организации из-за своего нейтрального статуса, однако в силу своего тюркского наследия является возможным будущим членом совета. С образованием Тюркского совета саммиты глав тюркоязычных государств,

собираемые с 1992 г., было решено переименовать в саммиты Тюркского совета. Здесь оцениваются итоги прошедшего года и ставятся цели на следующий год.

Еще одним институтом «мягкой силы» стал Совет Фонда по продвижению Турции. Он занимался финансированием данной политики. В него вошли представители МИД, Министерства культуры и туризма, Генерального директората прессы и информации и Генерального директората результатов проектов, финансируемых Советом [11, с. 152].

Весьма значимым механизмом «мягкой силы» становятся соглашения о стратегическом партнерстве с тюркоязычными государствами. Так, в 2009 г. подобное соглашение заключено с Казахстаном, в 2010 г. – с Азербайджаном. На их базе созданы специальные межправительственные органы – Советы высокого уровня по стратегическому сотрудничеству. Партнерство с данными странами охватывало множество областей, в т. ч. деятельность по интеграции тюркоязычных регионов. Позже подобные советы образовались в Киргизии, в процессе их деятельности были подписаны соглашения об отмене виз, сотрудничестве в области предпринимательства и логистики [11, с. 150].

Мы уже отмечали, что в развитии экономических связей со странами-объектами «мягкой силы» немалую роль играли созданные в 1990-е годы бизнес-советы. В 2011 г. был учрежден единый Деловой совет тюркоязычных стран. В него вошли Турция, Казахстан, Азербайджан, Киргизия [7]. Совет занимается реализацией проектов и программ, направленных на упрощение делового взаимодействия и взаимных инвестиций, организацией совместных венчурных проектов, курсов обучения представителей стран-участниц для обмена лучшими практиками.

Еще одним важным инструментом «мягкой силы» в XXI веке становится общественная дипломатия, нацеленная на рост значимости страны в глазах международного сообщества. Образование в 2010 г. Министерства общественной (в некоторых переводах – «публичной») дипломатии Турции продолжило дальнейшую институализацию «мягкой силы». Его деятельность под руководством премьер-министра была направлена на скоординированность институтов, которые ранее решали вопросы, связанные с публичной дипломатией: МИД, Министерство туризма и культуры, Управление по делам турок за рубежом, Турецкий Красный Полумесяц, Турецкая телерадиокомпания, Фонд Юнуса Эмре, ТИКА.

Что касается последнего, то данный институт с приходом к власти ПСР значительно активизировал свою деятельность. Так, по данным, приводимым Е. А. Сафонкиной: «...с 2002 г. по 2010 г. было подписано 6714 проектов, в 3 раза больше, чем в 1992-2002 годы. В 2012 г. общая стоимость помощи, оказанной Турцией, достигала 1,5 млрд долл. США (по сравнению с 40-80 млн долл. до 2002 г. и 700 млн долл. с 2006 г. по 2009 г.)» [11, с. 158]. При этом половина всех проектов ТИКА была реализована в странах Центральной Азии и Кавказа.

Эффективным инструментом «мягкой силы» является и туризм. За счет его развития Турция стала преобладающим туристическим направлением для жителей стран бывшего СССР, что, несомненно, способствовало формированию позитивных устойчивых представлений о данном государстве, сближению представителей различных регионов. Большую роль в расширении туризма сыграла деятельность авиакомпании “Turkish Airlines”, которая в 2000-х годах вышла на один уровень со многими мировыми брендами [2, с. 83]. Еще одним из факторов роста туристического потока в Турцию становится популярность во многих странах турецких сериалов, так как их поклонники стремятся посетить места своих любимых фильмов, купить там предметы одежды, аксессуары, еду, которые они видели на экране [20].

Рассматривая такой негосударственный инструмент «мягкой силы» Турции, как кинематограф, нельзя не признать его важную роль в формировании положительного имиджа страны за рубежом. Это не только масштабно транслирующиеся мыльные оперы, демонстрирующие прелести жизни в современной Турции (данные методы «мягкой силы» давно уже использовались странами Запада), но и сериалы, выпускаемые турками по заказу местных элит. В первую очередь, это исторические сериалы, так как новым государствам Центральной Азии нужно выстраивать на киноленте свою историю, которая, базируется во многом на общих тюркских исторических мотивах. Сериалы снимались и о собственно истории Турции («Великолепный век», «Возрождение: Эртугрул»). Они показывались во многих тюркоязычных, мусульманских странах и способствовали лучшему пониманию турецких духовных и политических ценностей.

Некоторые исследователи и политики, отмечают, что с приходом к власти ПСР наблюдается очередной виток возвращения религии в жизнь общества и использование ее в качестве элемента «мягкой силы» [2, с. 72]. Данный факт во многом объясняется активизацией «восточного» направления во внешней политике Анкары. В сферу турецких интересов вошли и мусульманские страны Центральной Азии. Главным институтом «мягкой силы» в данной сфере стало Управление по делам религии Турции, которое в 2000-е гг. заметно активизировало деятельность, увеличив штат и бюджет. Под его руководством, например, строятся мечети в центральноазиатских государствах, идет подготовка зарубежных студентов в турецких исламских учебных заведениях.

Расширил масштабы своей деятельности и ТЮРКСОЙ. Под его руководством в XXI в. стали организовываться новые крупные мероприятия по развитию культурного диалога между тюркоязычными регионами. Так, с 2010 г. в странах, являющихся членами и наблюдателями данной организации, весьма масштабно стали проводиться годы выдающихся деятелей, вокруг имени которых создавалась серьезная программа культурных мероприятий. С 2012 г. стало традицией выбирать столицу тюркской культуры. В течение года в ней проводятся конгрессы, литературные чтения, встречи художников, конференции, посвященные известным деятелям, показы мод. Там же при поддержке ТЮРКСОЙ стал организовываться с 2013 г. и своеобразный аналог «Евровидения» – «Тюрквидение», где борются за первенство представители более 20 стран. Главное

условие – певец должен быть тюрком по национальности. В 2014 г., например, “Türkvision” проводился в Казани, которая в тот момент являлась культурной столицей тюркского мира [31]. Участвовали здесь и певцы из российских регионов. Однако в следующем году от участия отказались все субъекты РФ в связи с прекращением сотрудничества Минкультуры РФ с ТЮРКСОЙ из-за политического конфликта России с Турцией. За три дня до финала от участия отказался и Туркменистан. Только в 2020 г. провели 4-й конкурс. По нашему мнению, ситуация с отказом субъектов РФ от участия весьма характерно свидетельствует как о степени «проникновения» турецкой «мягкой силы», так и о наличии значительно более глубинных пластов российской идентичности у тюркских народов РФ.

Заметим, что в 2016 г. по результатам исследования “The Soft Power 30”, проводимого Международной консалтинговой компанией Portland, Турция уже не вошла в тридцатку влиятельных стран, использующих «мягкую силу» [13]. Анализ прошлых лет показал, что наилучшие показатели Турции в этой сфере наблюдались в 2011 и 2012 годах вследствие пропагандируемой политики «ноль проблем с соседями» и устойчивого экономического роста. В 2015 г. она занимает 28-е место. Падение в рейтинге в 2016 г. объясняется обострением курдского вопроса, кризисом беженцев, кризисом в отношениях с Россией.

Отметим, что политика «мягкой силы» начала давать сбой уже на 3-м сроке правления ПСР (2011-2015 гг.). Получив определенные успешные результаты «нольпроблемной» политики, Анкара переходит к более жестким методам, демонстрируя себя независимым игроком, претендующим на лидерство в исламском мире. Свою роль здесь сыграли также «Арабская весна» и неоправданные надежды Турции на вхождение в Евросюз. Анкара вмешивалась в политические процессы Египта, Ливии и Сирии, ухудшила отношения с Израилем, все чаще применяя «жесткую силу». По мнению И. И. Стародубцева, «нольпроблемная» концепция «на фоне провальной реализации имела отличные маркетинговые параметры, но будучи связанной со своим автором А. Давутоглу, не пережила его отставки и последовавшей за ней чистки МИДа» [Там же]. Новую внешнеполитическую концепцию в Турции ещё не создали.

Что касается центральноазиатского региона, то здесь, помимо вышеперечисленных факторов, активному продвижению турецкого влияния препятствовали конкуренты – Россия и Китай. В 2019 г. Турция четко обозначила приоритет отношений с государствами данного региона в рамках своей инициативы «Новая Азия». Анкара развила здесь невиданную дипломатическую и инвестиционную активность, в результате которой торговый оборот со странами региона в 2019 г. увеличился до 8,5 млрд долл. [30]. В отношении же культурного аспекта данного проекта следует отметить, что школы, финансируемые турецким правительством, стали предпочтительным вариантом для учащихся центральноазиатских государств. Аналогичная ситуация происходит с обучением в турецких вузах вследствие образования Ассоциации университетов Центральной Азии, сконсолидовавшей наиболее престижные вузы региона.

Однако «Новая Азия» сталкивается здесь с китайским проектом «Один пояс – один путь» (ОПОП), в котором Турция, кстати, тоже активно участвует [14, с. 441]. Оба проекта основаны «не столько на политической и экономической экспансии (хотя задуманы ради нее), но и на культурной экспансии. Эта идеология базируется на идее о ведущей роли Турции как флагмана тюркоязычных государств ЦА, а реализуется она прежде всего на культурном уровне инструментами “мягкой силы”, а затем уже на политическом и после – на экономическом» [6].

Несмотря на то, что КНР имеет большой опыт крупных инвестиционных проектов в тюркоязычных государствах, у Турции есть серьезное преимущество в конкурентной борьбе именно из-за сформировавшихся в постсоветский период и более-менее стабильно функционирующих сегодня в данном регионе институтов и инструментов политики «мягкой силы».

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. «Мягкую силу» как способ достижения своих внешнеполитических интересов используют многие страны. Для Турции, если сложить воедино все её инструменты «мягкой силы» (образование, культурные и экономические контакты, кинематограф, туризм и институциональные религиозные связи), постсоветское тюркоязычное пространство является регионом, где активность Анкары наиболее велика. Истоки формирования концепции «мягкой силы» находятся еще в «османском» прошлом Турции. Однако активно ее реализовывать в отношении тюркских регионов Евразии и институализировать Турция начала только после распада СССР.

Начало институализации «мягкой силы» Турции в тюркоязычных государствах приходится на 1991-2001 годы. В этот период формируются механизмы реализации инструментов «мягкой силы» и первые ее институты (ТКА, ТЮРКСОЙ, бизнес-советы). Такие органы государственной власти, как Министерство культуры и туризма, МИД, Министерство образования активно разрабатывают и руководят реализацией в тюркских государствах постсоветского пространства проектов, основанных на «мягкосиловой» концепции. При этом, в начале этапа в оценке эффективности будущего сотрудничества тюркоязычных стран и Турции под эгидой последней в самой Турции наблюдалась некоторая эйфория. Однако вторая половина 1990-х годов показала, что у новых государств имеется собственное видение своего будущего. В этих условиях Турции пришлось снизить свои амбиции и еще более усилить инструменты «мягкой силы».

С 2002 г. основным фактором дальнейшей институализации «мягкой силы» стало создание пришедшей к власти ПСР нового курса внешней политики, отличавшейся от политики 1990-х годов глубоко проработанной

концептуальной основой. Политика «мягкой силы» в тюркских государствах стала более системной. Активно поддерживались турецким правительством ее прежние институты, создавались новые (Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет по сотрудничеству тюркоязычных стран, Совет Фонда по продвижению Турции, Управление по делам религии Турции, Фонд Ю. Эмре и др.). Для того чтобы данные организации, сформированные в разное время, взаимодействовали между собой, был создан координирующий их институт – Министерство публичной дипломатии. В целом, несмотря на отдельные трудности, политика «мягкой силы» по отношению к тюркоязычным странам доказала свою относительную эффективность.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении деятельности отдельных институтов турецкой «мягкой силы», а также в проведении сравнительного анализа применения инструментов данной политики Турции по отношению к различным регионам.

Источники | References

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71-78.
2. Алиева А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63-94.
3. Васильева С. А. Влияние пантюркизма на идеологический процесс в Турецкой Республике // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 208-212.
4. Зубкова А. И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002-2014 гг.: автореф. ... к. полит. н. М., 2015. 31 с.
5. Иванов В. Движение Фетхуллага Гюлена в России и странах СНГ // Мусульманский мир. 2014. № 3. С. 49-82.
6. Комраков А. Анкара проигрывает Пекину в борьбе за бывший СССР [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2021. 25 марта. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-03-25/1_8112_economics2.html (дата обращения: 15.07.2021).
7. Косенов А. В Алматы создан Деловой Совет тюркоязычных государств [Электронный ресурс] // Tengrinews. 2011. 20 октября. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-almaty-sozdan-delovoy-sovet-turkoyazychnyh-gosudarstv-199567/ (дата обращения: 12.07.2021).
8. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама, 2017. 316 с.
9. О ратификации Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (3 октября 2009 г.) [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 27 сентября 2010 г. № 341-IV. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000341_ (дата обращения: 14.07.2021).
10. Парубочая Е. Ф. Саммиты тюркских государств (1992-2001 гг.): реальная платформа для сближения? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2011. № 1 (19). С. 113-120.
11. Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 145-164.
12. Свистунова И. А. Визит министра иностранных дел Турции А. Давутоглу в США [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2010. 05 декабря. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11781> (дата обращения: 15.07.2021).
13. Стародубцев И. И. Турецкая мягкая сила и Центральная Азия [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2016. 15 июня. URL: <http://www.iimes.ru/?p=28700> (дата обращения: 14.07.2021).
14. Тао Цзинхун, Кузьмин В. А. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Научный диалог. 2021. № 3. С. 438-451.
15. Уразова Е. И. Экономическая активность Турции в Кавказско-Центральноазиатском регионе // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий: сборник статей. М.: Ин-т Востоковедения РАН; Ин-т Ближнего Востока, 2010. С. 156-170.
16. Урманов Д. Р. Динамика развития политики «мягкой силы» в Турецкой Республике в XXI в.: автореф. ... к. ист. н. Казань, 2018. 28 с.
17. Юбилей «Большого студенческого проекта»: азербайджанские выпускники турецких вузов встретились спустя 20 лет (24.12.2012) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/образование/юбилей-большого-студенческого-проекта-/292437> (дата обращения: 11.07.2021).
18. Balacer A. An Audit of Power: Turkey's Leverage in the Post Soviet Space (12.11.2012) [Электронный ресурс] // EDAM. URL: <https://edam.org.tr/en/an-audit-of-power-turkeys-leverage-in-the-post-soviet-space/> (дата обращения: 27.08.2021).
19. Saman M. E. Turkish foreign policy towards middle Asia and Caucasus // Actual Problems of Studying Contemporary Turkey. Proceedings of the International Conference 21 April 2010. Nizhniy Novgorod - Istanbul, 2011. P. 26-38.
20. Candemir Y. Turkish Soap Operas: The Unstoppable Boom [Электронный ресурс] // The wall street journal. 2013. 29 april. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-250B-117> (дата обращения: 15.07.2021).
21. Cultural Diplomacy [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/TKGM-Prestij-Kitabi-R1.pdf (дата обращения: 11.07.2021).
22. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. № 1. P. 77-96.
23. Fidan H. Turkish foreign policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. March. № 12 (1). P. 109-121.

24. Gürler R. T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War (2011) [Электронный ресурс]. URL: <https://uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recepgurler.pdf.pdf> (дата обращения: 13.07.2021).
25. Kaya A., Tecmen A. The role of common cultural heritage in external promotion of modern Turkey: Yunus Emre Cultural Centres. Istanbul: İstanbul Bilgi University; European Institute; Dolapdere Campus, 2011. 24 p.
26. Monocle. Soft Power Survey - 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2012> (дата обращения: 15.07.2021).
27. Mufti M. A little America: the emergence of Turkish hegemony // Middle East Brief. 2011. May. № 51. P. 1-7.
28. Nye J. S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1990. 307 p.
29. Oğuzlu T. Soft power in Turkish foreign policy // Australian Journal of International Affairs. 2007. Vol. 61. № 1. P. 81-97.
30. Turkey's Relations with Central Asian Republics [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (дата обращения: 11.07.2021).
31. TÜRKSOY [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turksoy.org/ru/turksoy/about> (дата обращения: 12.07.2021).
32. Uzbekistan: Tashkent Takes Hardline Approach on Containing Turkish Soft Power [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasianet.org/node/65217> (дата обращения: 14.07.2021).

Информация об авторах | Author information

Бадретдинова Светлана Анатольевна¹, к. ист. н.

Бадретдинов Ирик Рауфович², к. полит. н.

^{1,2} Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке

Badretdinova Svetlana Anatolyevna¹, PhD

Badretdinov Irik Raufovich², PhD

^{1,2} Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak

¹ s.a.badretdinova@strbsu.ru, ² bir01061979@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.07.2021; опубликовано (published): 30.09.2021.

Ключевые слова (keywords): инструменты и институты «мягкой силы»; Турция; тюрки; внешняя политика; Центральная Азия; “soft power” instruments and institutions; Turkey; Turkic peoples; foreign policy; Central Asia.